

Обычная сцена в Узбекистане. Слушают чтение декрета на родном языке.

СОВЕТСКИЙ УЗБЕКИСТАН

О черк председателя ЦИК СССР и предсовнаркома Узбекской ССР Фадзула Ходжаева.

Узбекистан, как национальная государственная единица, вошедшая в состав Советского Союза, существует всего лишь несколько больше двух лет. Несмотря на этот сравнительно небольшой срок, трудящиеся массы Узбекистана, под руководством коммунистической партии и тесно объединившись вокруг советской власти, уже теперь имеют целый ряд чрезвычайно важных достижений: победное окончание борьбы с контр-революционными силами басмачества, полная советизация самых отдаленных районов республики, где еще недавно господствовало басмачество, напряженная борьба за восстановление разрушенного войной хозяйства, приведшая к таким достижениям, как доведение основных частей этого хозяйства к довоенным нормам; земельная реформа, как крупнейшее из всех мероприятий этих двух лет по реализации Октябрьских достижений пролетариата и широких масс дехканства.

Закончено в основном административно-экономическое деление республики. Введено делопроизводство на родном языке, идет подготовка новых молодых кадров работников из среды рабочих и дехкан. В области культурного строительства увеличено количество школ в три раза.

Правильно определяют сами трудящиеся Узбекистана, когда говорят, что «Советский Узбекистан переживает теперь третий период своего развития».

Первый период был связан непосредственно с самой Октябрьской революцией, с фактом освобождения трудящихся от политико-экономического и национального гнета.

Второй период, это—борьба с разрухой на бескровном, но не менее трудном и тяжелом фронте за восстановление хозяйства,

Узбекистан. Прием больных в советской амбулатории.

укрепление и развитие государственных и общественных форм хозяйства, за развитие и умножение социалистических элементов.

Третий же период, который наступил теперь, должен заключаться в нашей боль-

шой и упорной работе в деле поднятия культурности всего населения.

Надо вовлечь широкие массы молодежи в школы, надо, чтобы в Узбекистане, где до революции школы насчитывались единицами, где грамотность населения на 10-й год Октября составляет всего лишь 10%, в ближайшие годы этот процент повысился. Партия и советское правительство бросили лозунг борьбы за новый быт, за то, чтобы вывести женщин—половину всего населения—на широкий путь культурного развития, на путь хозяйственной творческой работы, рука об руку с мужской частью трудящихся. Каждый труженик понял, что нельзя думать серьезно об овладении наукой и всеми ее достижениями, построить социализм, когда женщина-мать остается во власти старых бытовых отношений.

Идет усиленная работа среди организованных в профсоюзы и другие общественно-политические организации женщин, развернута и культурно-просветительная работа, на которую правительство предусмотрело в бюджете настоящего года свыше 10 миллионов рублей по смете Наркомпроса. Такие факты, как начало возрождения узбекской музыки, литературы и поэзии, организация национального театра, впервые в истории узбекского народа, показывают, как и каким путем добиваются трудящиеся того, чтобы Советский Узбекистан на деле стал передовой республикой и аванпостом Советского Союза на рубеже огромного, многомиллионного, пока еще угнетаемого империализмом, сего Востока.

Ф. Ходжаев.

ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1917 — ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД — 1947

Сентябрьские события в Ташкенте

После разгрома корниловщины началась полоса оживления и обновления Советов, полоса их большевизации. Вслед за Петроградским и Московским советами большевики завоевали большинство в Советах всех крупнейших промышленных центров страны — Екатеринбурга, Минска, Ростова, Саратова, Киева, Харькова, Таганрога, Самары, Царицына...

В новый этап вступила революционная борьба и в Туркестане. Наиболее ярким показателем нарастания революционного кризиса явились так называемые «сентябрьские события» в Ташкенте. Произошли стихийные выступления масс против Временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам». Большевики к этому времени развернули большую работу, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров.

11 сентября большевики Ташкента на совещании краевых демократических организаций внесли предложение избрать на совещании революционный комитет, к которому должна перейти вся полнота власти. Предложение было отклонено большинством. Большевики в виде протеста покинули собрание. Они ушли на происходившее тогда же заседание исполкома Ташкентского совета, где присутствовало много рабочих и солдат, и вновь выдвинули предложение о создании революционного комитета. Тогда председатель исполкома Ташкентского совета и его заместитель (оба — правые эсеры) поспешили подать письменные заявления о сложении полномочий и вместе с правыми эсерами покинули собрание. После их ухода исполком Совета впервые принял большевистскую резолюцию с требованием создания ревкома и устройства общегородской демонстрации.

Туркестанский комитет Временного правительства, узнав об этом, запретил митинги в дни 12 — 25 сентября. Но, несмотря на запрет, массы рабочих и солдат 12 сентября вышли на улицу, и в бывшем Александровском парке состоялся многотысячный митинг. С фабрик, заводов, из железнодорожных мастерских пришли рабочие — русские и узбеки, солдаты запасных сибирских полков. Призывы большевиков встречали горячую поддержку собравшихся. С пламенными речами выступили рядовые участники митинга —

рабочие и солдаты. Была принята резолюция большевиков о переходе власти к Ташкентскому совету и о создании временного революционного комитета, который тут же был избран. Однако в составе его оказалось большинство из эсеров и меньшевиков.

Избрание ревкома посеяло большое беспокойство среди представителей и сторонников Временного правительства в Ташкенте. 12 сентября командующий Туркестанским военным округом генерал Черкес с помощью юнкеров и прапорщиков окружил здание, где происходило заседание ревкома, и арестовал его членов. В тот же день, однако, опасаясь возмущения трудящихся, Черкес их освободил. Ревком снова приступил к работе.

Туркестанский комитет Временного правительства запросил помощи у Керенского, стал готовиться к подавлению выступления вооруженной силой. Ревком и новый состав исполкома провели ряд мероприятий по укреплению власти, но никаких решительных действий для разоружения контрреволюции не предприняли.

К 16 сентября положение в городе резко изменилось. От Керенского была получена телеграмма, ободрившая притаившиеся силы контрреволюции. «Захватчики власти... которые в двадцать четыре часа не подчинятся представителям Временного правительства, понесут наказание по всей строгости закона». Далее сообщалось о посылке карательной экспедиции. В ожидании прибытия карателей белогвардейцы начали вооружать «верные» части. Туркестанский комитет Временного правительства, чтобы выиграть время, вступил в переговоры с ревкомом и подписал соглашение, гарантировавшее неприкосновенность лиц и частей, участвовавших в событиях 12 сентября. Соглашение не было выполнено Туркестанским комитетом.

В эти дни большевики Ташкента послали на фабрики, заводы, депо Ташкента и других городов своих агитаторов, которые развернули широкую мобилизацию масс вокруг большевистских лозунгов. 20 сентября, в 4 часа дня, в Ташкенте, по призыву большевиков, в знак протеста против карательной экспедиции, которая уже приближалась к Ташкенту, началась всеобщая забастовка рабочих 40 профсоюзов. Бастова-

Постановление Ташкентского совета.

ли рабочие трамвая, электростанций, типографии и других предприятий. Город погрузился во мрак.

Товарищ Сталин в статье «Ждать вам — не дожидаться...» писал, что если Временное правительство останется у власти и «...собирается господствовать над явно враждебным большинством, то ясно, что оно может рассчитывать лишь на одно: на насилие над массами...»

Поэтому не случайность тот факт, что первым шагом правительства Керенского — Коновалова послужил разгром Совета в Ташкенте.

24 сентября, несмотря на протесты трудящихся, карательная экспедиция во главе с генеральным комиссаром Временного правительства генералом Коровиченко прибыла в Ташкент. В ее составе были пехота, пулеметные роты, броневая рота и легкая артиллерия. Только в Ташкенте солдаты узнали, зачем они посланы, и отказались выступать против большевиков. Коровиченко послал тревожные телеграммы Керенскому.

26 сентября Коровиченко издал приказ о предании военному суду членов ревкома и организовал комиссию по расследованию действий ревкома и Ташкентского совета.

Коровиченко обещал снять военное положение, если всеобщая стачка закончится. Меньшевики и эсеры пошли на срыв забастовки. Забастовка была прекращена, но борьба пролетариата и дехкан в еще большей мере обострилась.

Рабочие-железнодорожники организовали в Ташкенте и других городах Средней Азии боевые вооруженные дружины, что явилось началом создания Красной гвардии. Началась новая страница в истории борьбы трудящихся Туркестана.

Сентябрьские события в Ташкенте не означали фактического перехода власти в руки Совета. Для победы диктатуры пролетариата необходимы были вооруженное восстание и разгром контрреволюционного Временного правительства в центре страны. Но события в Ташкенте явились одним из предвестников Великой Октябрьской социалистической революции. Они сигнализировали рабочему классу России, готовящемуся под руководством партии Ленина — Сталина к вооруженному восстанию, о том, что одна из национальных окраин тоже вплотную подошла к вооруженному восстанию.

Отряд красногвардейцев-пулеметчиков железнодорожных мастерских Ташкента.

НА БЕРЕГАХ ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ

Л. ХВАТ

Фото М. Савина

Специальные корреспонденты «Огонька»

1. ПРОШЛОЕ

В 1856 году знаменитый русский путешественник П. П. Семенов первым из европейцев проник в Центральный Тянь-Шань. С перевала хребта Кунгей-Ала-тау ученому-исследователю открылась на юге волшебная панорама высокогорного озера Киргизии: «За широким Иссык-Кулем простирается обозримая по крайней мере на триста верст своей длины непрерывная снеговая цепь... седые головы тянь-шаньских исполинов».

До русских ученых человеческие знания о Тянь-Шане покоились на романтических преданиях, рожденных во времена Александра Македонского, Чингиз-хана и Тамерлана, фантастических рассказах купцов и воинов, посетивших берега Иссык-Куля, где, по свидетельству Сюань Цаня, китайского историка VII столетия, «драконы и рыбы обитают вместе».

1914 год. Цивилизация двадцатого века почти не коснулась страны киргизского народа: на колониальной окраине Российской империи господствовал средневековый быт. Древний народ, населявший берега Иссык-Куля, долины и ущелья Тянь-Шаня, не знал оседлого существования; скотоводы сменяли извечный кочевой круг, переходя всей семьей, с юртой и скарбом, за табунами и отарами от зимних пастбищ на весенние, оттуда — на летние, потом — на осенние... В кочевках рождались и учились владеть конем, мужали и обзаводились семьями, старились и умирали... Владычество империи олицетворял всесильный царский пристав, а внутри кочевков были свои царьки — «маналы», родовая знать; и под их властью — сотни юрт, сотни семейств.

«Значительная часть кочевников, вследствие природных условий страны, веками сложившихся традиций и привычек еще долго будет жить пастушеской жизнью и

вести чисто скотоводческое хозяйство... Содержание скота и уход за ним — первобытны...» Так писали исследователи Киргизии за три года до Великой Октябрьской социалистической революции. Отмечали ужасающую неграмотность: «На весь край — один писарь из киргизов». Впрочем, и он не мог, разумеется, писать на родном языке: киргизский народ не имел своей письменности...

Какой предстает эта горная страна накануне 30-летия советского социалистического государства? Мы едем к величайшему в мире высокогорному озеру, в Иссыккульскую область Киргизии, равную по размерам Швейцарии. «Край света» — называли некогда эту область, отгороженную от Китая стеной вечных ледников. Что увидим мы у берегов горного озера, где тридцать лет назад путешественники встречали глухие урочища, становища кочевников, изредка — деревушки русских и украинских переселенцев?

Вокруг Иссык-Куля — пятьсот километров. Далекий путь!

2. МОСКВА — ИССЫК-КУЛЬ

Железная дорога Фрунзе—Быстровка построена накануне Великой Отечественной войны. Минувя поселок с символическим наименованием Кант (сахар), она обрывается в ста километрах от столицы, на подступах к Боомскому ущелью. А дальше воздвигается уникальное техническое сооружение, отмеченное в Законе о новой пятилетке короткой фразой: «Окончить строительство железной дороги Кант—Рыбачье».

В свое время в Боомском ущелье побывала не одна комиссия инженеров и геологов царского министерства путей сообщения. Все они сходились в убеждении: «Про-

Молодая колхозница Турсун Тургильдиева из колхоза имени Ворошилова, Покровского района, Иссыккульской области.

кладка пути к Иссык-Кулю представляет технически неразрешимую задачу, железная дорога никогда не пройдет через Боомское ущелье...»

Теснимая горами, автомагистраль неуклонно идет на подъем. Со всех сторон подступают отвесные стены; гигантские гранитные скалы, до блеска отполированные ветрами, нависают над бездной, где с грохотом и ревом совершает свой пенный бег укрощенная Чу. В бесплодном камне, на «втором ярусе», люди пробили широкий коридор, превратив в автомобильную дорогу караванную тропу, по которой в древние и средние века проходили воины жестоких азиатских завоевателей. Еще выше, на «третьем ярусе», лежит рельсовый путь; снизу туда смотрят, задржав голову, и строители кажутся лилипутами.

Громоподобные взрывы поднимают к небу черные фонтаны земли и раздробленного камня, пробуждая неумолкающее эхо в косых изломах хребтов. Взлетают сотни лопат, и сыплется по крутому косогору пестрый щебень, наращивая искусственную стену — опору железнодорожного полотна. Экскаваторы, въедаясь в неподатливую почву, терзают, прызут и рушат упрямый камень. Пыхтя и вздыхая, движутся на полторакилометровой высоте Боомского ущелья рабочие паровозы; сверкающие рельсы убегают к востоку.

Народная стройка! Население трех областей создает дорогу к Иссык-Кулю. К концу минувшей зимы пришло новое подкрепление; ждали пять тысяч человек, съехались семь тысяч. Вдоль трассы на тридцати восьми километрах забелели палатки фрунзенских и иссыккульских колхозников, юрты тяньшаньцев.

— Объем земляных работ выражается семизначными цифрами, — говорит начальник строительства Б. И. Демин. — Только на трех километрах трассы вынули миллион кубических метров грунта.

Труднейшее позади: Боомское ущелье пройдено, тридцать шесть глубоких выемок прорезают его каменные преграды, и стальной путь вышел в Иссыккульскую долину.

Заглянем немного вперед... С Казанского вокзала уходит поезд в киргизскую столицу; в его составе вагон Москва—Фрунзе — Рыбачье. Минуют сутки, другие, третьи... Пассажиры в Боомском ущелье: «трехъярусная» панорама — трасса железной дороги, автомагистраль, каменистое ложе Чу; поэтические наименования новых станций, рожденные киргизским эпосом: «Девушка и

1. Гидроэлектростанция в Каракольском ущелье.

2. На строительстве мясоконсервного комбината в Рыбачье.

3. Строительство Ортокойского водохранилища.

Скалы у курорта «Джеты-Огуз» (в переводе с киргизского «Семь быков»).

Главное здание детского санатория на Иссык-Куле.

жених»... «Арык ветра»... «Мертвая петля»... Бегут встречные составы с колхозной пшеницей и лесом Иссык-Куля, джаргаланским углем и редкими металлами Тянь-шаньских недр, шерстью и лекарственным сырьем — богатствами страны «небесных гор». И под конец путешествия, когда колеса отстучат почти четыре тысячи километров от Москвы, возникнет на горизонте нежная, сливающаяся с небом голубая полоска несравненного озера:

— Рыбачье! Иссык-Куль...

3. ТВОРЦЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

В Рыбачьем собрался пленум исполкома районного совета. Из колхозов и совхозов, с новостроек съехались те, кому население района вверило исполнительную власть: большевики — партийные и непартийные; киргизы, русские, дунгане, украинцы, уйгуры; немолодые, умудренные опытом колхозные вожак и юные комсомолки; знаменитые табунщики и инженеры новостроек; партийные работники и прославленные доярки. Пленум еще не открылся, и собравшиеся в зале заседаний толковали между собой. Строительный мастер железной дороги, недавний колхозник, рассказывал новости земляку-чабану с предгорий Кунгея; председатель исполкома Шариф Тюлегонов, врач по образованию, беседовал с директором школы-десятилетки; большая группа людей окружила бетонщика с Орто-Токою...

Орто-Токой! Одно из важнейших сооружений послевоенной пятилетки в Киргизии. В восемнадцати километрах от Рыбачьего, по пути в Центральный Тянь-Шань, в гранитных скалах создается искусственное озеро длиной в десять, шириной в три километра. Воды верховьев Чу будут накапливаться в прандиозной впадине. Летом по ветвям Большого Чуйского канала потекут они на запад, возрождая безводные земли. Еще семьдесят тысяч гектаров плодородных полей!

Экономическое обоснование Орто-Токая звучит как гимн человеческому разуму, воплощенному в социалистическом плановом хозяйстве, гимн большевистскому размаху и деловитости. Оживленные тяньшаньскими водами, земли будут приносить каждую осень сотни тысяч тонн сахарной свеклы, зерна, фруктов и винограда, кормов; от гидростанции канала помчится по проводам ток, и в долинах, ущельях, на склонах гор вспыхнут огни... Жизнь!

Народные избранные поднимались на трибуну. Говоря о требованиях нынешнего дня, они видели перспективы. В соседстве с Орто-Током прекрасное будущее ожидает поселок Рыбачье — конечную станцию железной дороги, новый центр мясоконсервной индустрии, иссыккульский порт

на высоте 1620 метров, узел автомобильных магистралей.

«...Вовлечь трудовые массы области в управление страной, помочь построить хозяйство, укрепить советы, улучшить административную, поднять национальную культуру, сделать власть родной и близкой народу...» Так И. В. Сталин в письме к киргизским большевикам в 1925 году говорил о задачах работников Киргизии.

Великие предначертания сбылись!

4. ОЖИВШАЯ ПУСТЫНЯ

Если человек, собирающийся путешествовать по Киргизии, заглянет в дореволюционные географические издания, ему покажется, что он едет в пустыню. Лишь приехав на место, он увидит, как изменилась география края: города и селения, пути сообщения и каналы, станции и пристани, созданные советским человеком.

Безнадежно устарели карты девятисотых годов! Мы ехали по дорогам Киргизии, через плодородные поля и каменистые степи, мимо цветущих селений и мрачных ущелий — и всюду видели плоды творческого труда. Названия селений звучат как утверждение социализма на горных рубежах с Китаем: Ленинское, Сталиньское, Карла Маркса, Советское, Октябрь, Комсомол... Они растут и расцветают в оживших пустынях, у подступов к горным перевалам, в долинах горных рек — в тех местах, которые прежними географами добросовестно отмечались серовато-коричневыми пятнами; ни одного черного кружочка!

Из Рыбачьего мы выехали в круговой путь северным побережьем озера. Широкой белесой лентой развевалась дорога к Пржевальску. Заглянули в географическое описание 1914 года: «Эта часть северного побережья пустыня, лишь в 100 верстах появляются первые посевы...» Наш маленький автомобиль проносился мимо прибрежных селений животноводов и рыбаков, мимо колхозных лугов и пашен, совхозных усадеб. Сары-Камыш, Тур-Айгыр, Черпыкты, совхоз Тамчи, Чоктал... — везде жизнь! Спросишь встречного: «Давно поселились?» «Лет пятнадцать... После революции...»

На песчаном берегу у селения Тур-Айгыр раскинули палатки рыбаки. Сушились сети на длинных кольях. Юноши в рубашках и трусах конопатили лодку. Покуривали, грелись на солнце, подставляя лучам морщинистые лица, Тихон Шашнев и Тазекбай Сарымсаков, колхозные рыбаки.

— Бригада наша, — кивнул Тихон в сторону молодежи. — Ребята ничего, к плану старательные... А Тазекбай со мной одиннадцатый год рыбачит, человек он молодой, ему шестидесяти нету...

— А вам?

— Нам? Семьдесят четвертый... Мы еще хоть куда!

За чаем, от которого остро пахло рыбой, «молодой человек» рассказал легенду о Тур-Айгыре, «Гнедом жеребце». Страстной любовью к коню, без которого немислимо было существование киргиза-скотовода, веяло от старинной сказки... Стояли когда-то здесь, в урочище, юрты богатого бая. В семействе своем имел он много жен, жили они по разным аулам. Бессчетными табунами владел, тысячные отары паслись на горных джайлоо¹, но не было у него драгоценнее сокровища, чем конь Тур-Айгыр — быстрый, как молния, красивый, сильный. Захотелось баю взять еще одну жену — девушку с того берега. Повез подарки будущему тестю, обещает за невесту любой калым. А тот говорит: «Отдай Тур-Айгыра, иначе не увидишь моей дочери у себя в юрте!» Хотя и жаль было баю расстаться со скакуном, ударил со стариком по рукам... Жалобно заржал жеребец, когда его уводили. Прошел день, другой... Побежали дети на озеро и вдруг кричат не своими голосами. Сбежались люди, видят: плывет конь через озеро... Тур-Айгыр! Не выдержал разлуки с косяком... Выбрался жеребец на берег, отряхнулся. Повел умными глазами, заржал тихо-тихо и рухнул замертво на песок... С той поры называется место Тур-Айгыр...

— Так и на картах обозначено, — сказал Тихон.

Круговая иссыккульская автомагистраль местами проходит у разрушенных крепостных стен, земляных валов, защищавших береговые поселения в устьях рек. Обветшалые глинобитные «мазары» — всеми забытые гробницы со сводчатыми куполами, зубчатыми стенами и башенками, острокопечными шпилями — древний стиль, созданный народом, — возмужают в степи, как мираж. А в непосредственной близости — пышная зелень садов, благоуханье цветистых лугов, золото колхозных полей...

За оградой безмолвного парка, где белеют ряды походных палаток, раздастся тоненький милый голосок:

«Буря мглой небо кроет,
Вихри снежные крутя...»

Осторожно, чтобы не спугнуть юную певичку, раздвигают кусты. На веселой лужайке, среди розовых кустов, маленькая черноволосая девочка с милыми голубыми глазами поет детям в красных галстуках. — Хором давайте! Орузбай, Маруся, Шайдылда!.. Ну, затевай же, Галя!..

Маленькая певичка кивнула, вокруг загорелого личика запрыгали, извиваясь змейками, тоненькие косички. С пляжа впереводки бежала новая ватага: «И мы с вами! И мы!»

Разливалась хордовая:

¹ Летние пастбища

«А прекрасней нашей Родины
Не видали мы нигде...»

Это был детский санаторий.

Каждый месяц полтораста маленьких гостей из шести областей Киргизии приезжают в здравницу на Иссык-Куле; ее называют иногда «киргизский Артек».

Если вы спросите, что было прежде, тридцать лет назад, на месте роскошного парка, цветников, нарядной столовой, санаторных корпусов, — услышите в ответ: «Пустыня, безлюдье». Пустыня была и дальше к востоку, где простираются теперь земли знаменитого конезавода «Чолпон-Ата».

5. КОЛЫБЕЛЬ «КУЛУКОВ»

Поднимаясь на зеленые склоны Кунгей-Ала-тау, мы говорили о недавних конских испытаниях во Фрунзе. Лучшие лошади шести конезаводов состязались на ипподроме. Было девять скачек, и все призовые места заняли лошади иссыккульского завода «Чолпон-Ата», чистопородные дончаки. Вспомнились восхищенные взоры киргизов, оценивавших стать коня: «Кулук!» — добрый скакун...

— Доли секунды — единственное мерило резвости лошади, а между резвостью и силой, выносливостью ставьте мысленно знак равенства, — сказал Дмитрий Тимофеевич Ивченко, директор «Чолпон-Ата». — На ипподроме обнаруживается, удалось ли селекционерам получить резвую, сильную лошадь. Терпение в нашем деле испытывается годами. Волнения, тревоги...

У директора было осунувшееся от бессонницы лицо. Накануне свет в его кабинете горел за полночь, а в третьем часу Ивченко разбудили.

— «Чайка», понимаете, ожеребилась... Прилег опять — не спится. Встал, «сходил к новорожденному». Только вернулся — телеграмма из Краснодара, от тренера Присухина — больше не от кого: там десять наших чистокровных, а вчера были скачки... Поверьте, в сердце захолодило. Развернул: «Первый Каспий второй Бумеранг». Четыре слова, но — радость! Наши, иссыкульские, оба! А сколько, думаете, ждать пришлось, пока этот Каспий себя выявит? Три года! А дальше? Ожидание потомства, первые испытания на дорожке, секундомер... Годы!

С перевала спускалось в долину стадо. Теснились на узкой тропинке неторопливые откормленные швицы — темносерые, бурые, палевые... У фермы хлопотали доярки.

— Хозяйство у нас разнovidное! — глядя на стадо, произнес Ивченко. — Этого государство от нас требует... Мой предшественник не сменялся тринадцать лет, я девятый год директором, кадры у нас крепкие, целыми семьями работают.

В «Чолпон-Ата» поражают масштабы хозяйства. Овец — десять тысяч. Коров — четыреста. На птицеферме — три тысячи кур, уток, индеек, лусей. С пчеловодов в прошлом году взяли двенадцать тонн меда, нынче ожидают восемнадцать. Полсотни гектаров садов — одних яблок двенадцать сортов: «До самого февраля продаем своим рабочим свежие фрукты». Полтора миллиона саженцев декоративных растений. Развели семеноводство: «Имеем все, что может расти на нашей земле».

— А урожаи?

— Не читали в газетах наше обязательство? — сказал Ивченко. — Под зерновыми имеем восемьсот гектаров. Дали слово товарищу Сталину: возьмем по двадцать шесть центнеров с гектара. Но главная задача — создавать высококачественную племенную лошадь! Я завод принимал — основа была: семьдесят донских кобыл. А теперь имеем триста маток — первого класса, элита. Наш «Рекрут» последнее дерби перед войной в Ростове выиграл. Читал я, правда, что лет восемьдесят назад всадник, посланный с донесением о победе русских войск, проскакал на киргизской лошади за сутки двести восемьдесят верст. Но если взять потомство от местной кобылы и чистопородного коня, оно резвее и, стало быть, сильнее рядовой киргизской лошади. Теперь против этого никто уже не спорит. Доказали на деле! По всему краю

Бюст Героя Советского Союза Н. Я. Ананьева на его родине в селе Ананьево.

не сыскать колхозной конефермы, где бы не было наших производителей. И племенным фермам колхозов даем наших дончаков. Лошадей с тавром «Чолпон-Ата» можете встретить в любой области Киргизии, в Казахстане, на Волге.

6. О ЧЕМ ГОВОРЯТ В ПРЖЕВАЛЬСКЕ

Перед Ананьевым, районным центром Иссыккульской области, на полях работали тракторы. Густой стеной стояли хлеба. К нам приблизился всадник в выцветшей военной фуражке без звезд.

— Студенихин, — отрекомендовался он.

— Недавно из армии?

— Недавно... Командовал батальоном, сейчас председатель колхоза. Я из местных крестьян... Вот наши поля, — повел он рукой вокруг. — До войны не видал я такой дружной работы, как в эти месяцы. Просто героически работают...

Сазановка, село с пятидесяти тысячным населением, в годы Великой Отечественной войны получила новое наименование — Ананьево. В селе родился, учился, рыбачил в

С богатым уловом!

бригаде колхоза «Иссык-Куль» Николай Яковлевич Ананьев — один из двадцати восьми панфиловцев, героически погибших на обороне подступов к Москве. Перед домиком правления колхоза, за оградой небольшого сада, стоит в цветах бюст Героя Советского Союза Николая Ананьева: спокойное, тонкое, удлиненное лицо, волевые черты...

В этот день ананьевцы отмечали скромное торжество: хирургу местной больницы Петру Зиновьевичу Тенета правительством Киргизской ССР присвоило звание заслуженного врача республики. На месте переселенческого фельдшерского пункта в советское время выросла районная больница в сто коек, хорошо оборудованная, с операционной; в ее стенах Петр Зиновьевич сделал до четырех тысяч операций.

— Будете ехать мимо селца Кутурги, загляните на медицинский участок, — посоветовал Тенета. — Там свой рентгеновский кабинет...

Рентген в Кутурге и, разумеется, бесплатный — какой фантастикой показалось бы это в былые времена в России!

Обсаженная тополями дорога походила на аллею парка, сквозь листву проглядывала белизна приветливых домиков.

Как волны, незаметно и плавно поднимались холмы. От лугов пахло свежескошенным сеном. На тучных нивах золотистая пшеница чередовалась с пурпуром лекарственного мака, заслоняя изнемогающие под тяжестью плодов яблони, и все побежье казалось огромным садом.

Показался Пржевальск — город, основанный русскими восемьдесят лет назад в устье реки Каракол. Отсюда начинали путешествия большинство исследователей Центральной Азии.

Бронзовый орел с распростертыми крыльями замер на гранитной скале, попирая ногами карту Азии, пересеченную маршрутами Н. М. Пржевальского. Под медальоном-барельефом лаконичная надпись:

«Николай Михайлович

Пржевальский

Первый исследователь природы Центральной Азии».

Массивная плита отмечает могилу ученого, о котором А. П. Чехов писал в некрологе: «Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение». Обогатив мировую науку, Пржевальский умер осенью 1888 года в своем походном лагере на берегу озера, накануне пятой экспедиции — в Западный Тибет. Умирая, он высказал последнюю волю: «Похороните меня непременно на берегу Иссык-Куля».

Тенистая дорога вела в город. Нежные ясени, могучие ели, стройные березки обрамляли кварталы. На перекрестках пестрели анонсы областного драматического театра: «Премьера. Карло Гольдони «Слуга двух господ». Забывалось, что находишься в крайнем юго-восточном уголке Родины, за тысячи километров от кипучих индустриальных городов, на рубеже старого, отживающего мира капиталистического рабства.

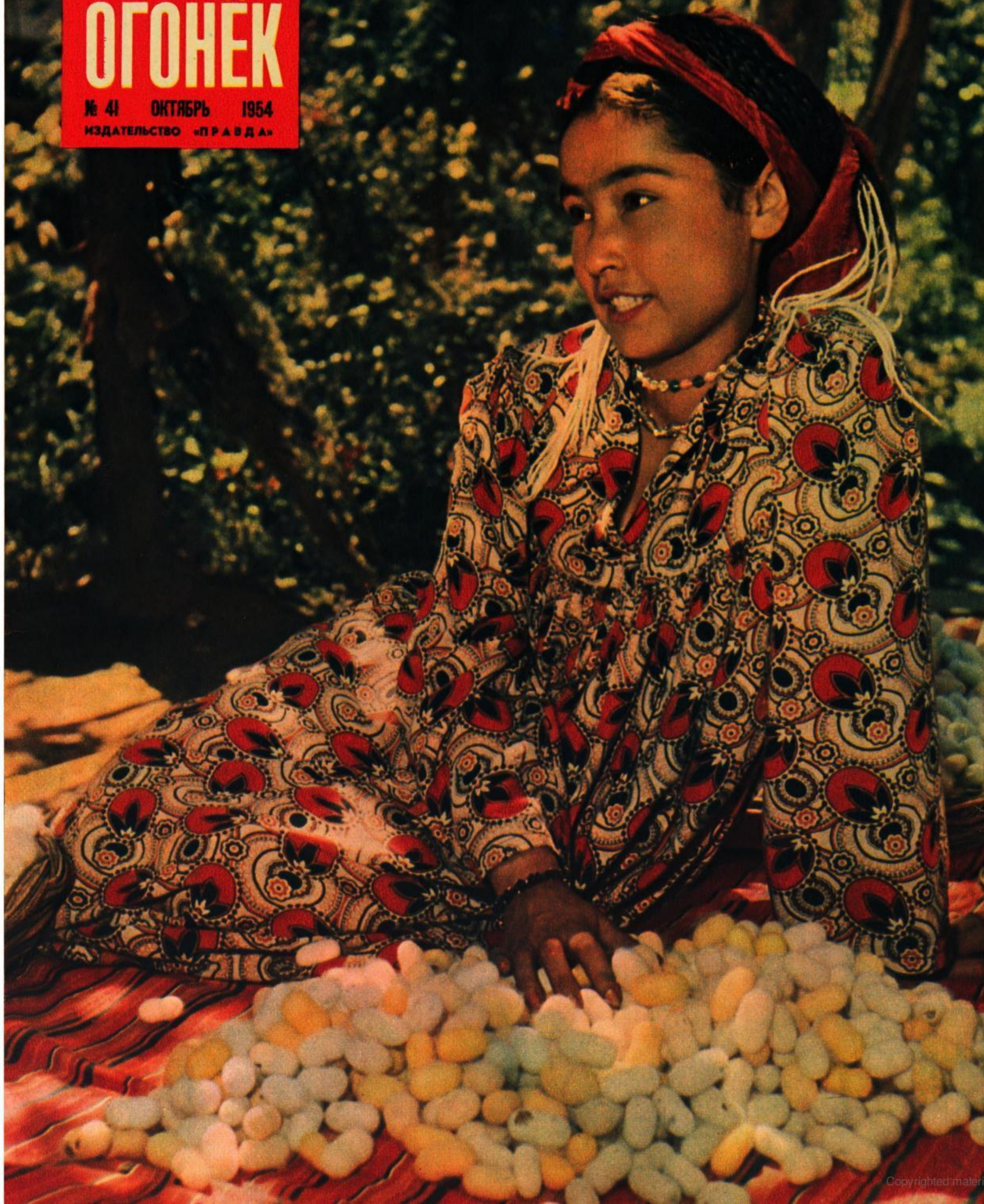
Кончились выпускные экзамены в учительском институте, техникумах, школах; молодые дипломированные педагоги, ветеринары, зоотехники, акушерки уезжали в колхозы. В городе говорили об успехе публичного доклада фрунзенского лектора-международника, о большом наплыве отдыхающих на иссыкульские курорты, о развитии джаргаланских угольных месторождений; злобой дня было строительство вблизи города гидроэлектростанции: сила каракольских вод, под крутым углом низвергающихся с гор, приведет в движение турбины и заменит отработавшую свой век городскую электростанцию, осветит Пржевальск и окрестные селения.

В горах, за шестьдесят километров к востоку, геологи разведали угольные богатства Джаргаланга. На высоте 2300 метров закладываются две крупные шахты. Большие надежды связывают пржевальцы с развитием месторождений: в перспективе железная дорога вдоль Иссык-Куля, и Москва приблизится к городу у подножья вечных ледников и величайших вершин...

ОГОНЁК

№ 41 ОКТЯБРЬ 1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

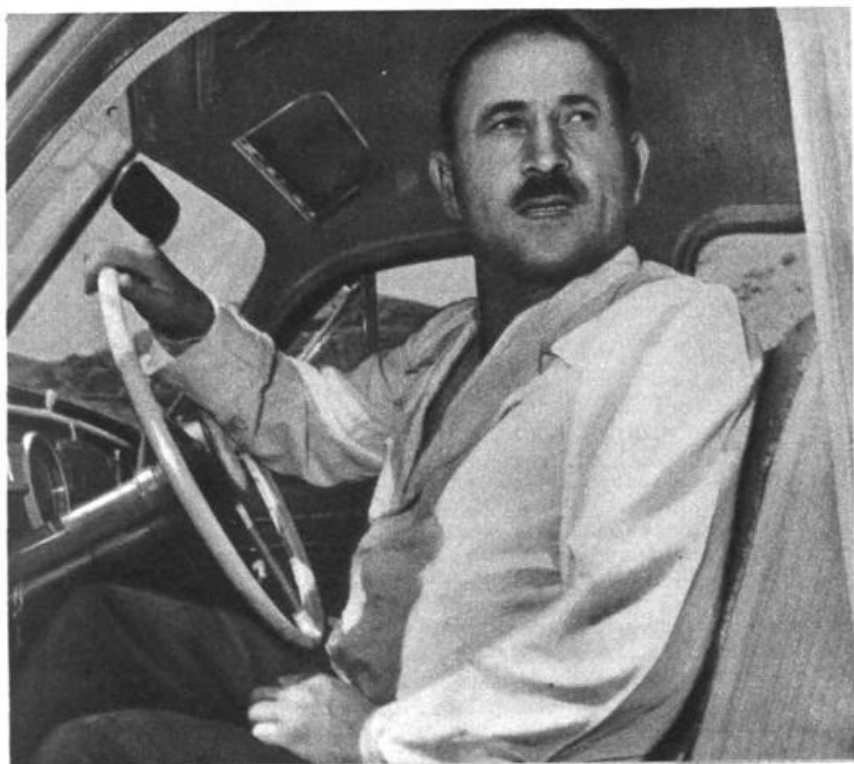

ПО ТАДЖИКИСТАНУ

И. МЕСХИ

Фото О. КНОРРИНГА.

Новое здание Публичной библиотеки в Сталинабаде.

Знатный шурабский шахтер, крепильщик шахты № 2, депутат Верховного Совета СССР Ульмас Салиев.

Сушка урюка в колхозе имени Молотова, Исфаринского района, Ленинабадской области.

В сентябре 1929 года в Сталинабад по только что отстроенной железной дороге прибыл поезд, первый в истории этого города. Он привез гостей из братских республик на Чрезвычайный съезд Советов Таджикской автономной ССР, на котором решался вопрос об образовании Таджикской союзной республики.

Прошло 30 лет со дня создания Таджикской АССР, 25 лет существует Таджикская союзная республика. За эти годы не раз приезжали сюда представители братских народов. Они пользовались не только железной дорогой, но и самолетами, передвигались по автомагистралям Таджикистана. Уже в пути они видели много такого, что в ту далекую пору в кишлаке Дюшамбе, переименованном в Сталинабад, наносилось лишь пунктиром на карту будущей республики.

Когда в Таджикистане оказывается кто-либо из Донбасса, он старается попасть в Шураб — город таджикских угольщиков, возникший не так давно на севере республики в горах. Уголь здесь по качеству ниже донбасского, но он не уступает подмосковному. Его хватает всему Таджикистану и еще отсылают в Ашхабад. А восьмая шахта, на переделку которой отпущено около ста миллионов рублей, станет самой крупной в Средней Азии.

Угольный пласт этой шахты протянулся на территорию соседней Киргизской республики, где уже идут работы. Таджики строят у себя гидростанцию, а львиная доля энергии идет в Узбекистан. Узбеки вместе с таджиками построили Ферганский канал. Воды таджикской реки Исфары поят Исфаринскую долину, равно как и земли киргизских и узбекских колхозов, примыкающих к этой оросительной системе... Дружба народов, великая цементирующая сила, находит яркое выражение в этих повседневных фактах нашей советской жизни.

Исфаринская долина славится своими абрикосовыми садами. В колхозе имени Молотова поздней осенью можно еще застать сушку абрикосов. Это красивое зрелище — целые поляны рассыпанных по земле, впитывающих жаркое солнце золотистых плодов. Исфаринский урюк знаменит разнообразием сортов и сладостью необычайной. Его в колхозе собирают за сезон до 2 тысяч тонн.

Здесь же стоит Первомайская ГЭС — межколхозная станция, пущенная в эксплуатацию в нынеш-

нем году. Ее тоже питают воды Исфары. Интересная судьба у этой реки: насыщая долину по каналам и сотням мелких колхозных арыков, давая кишлакам электрическую энергию, сама она никуда не впадает, так как воды ее полностью расходятся по полям. Так до предела выжимать воду из реки могут, пожалуй, только здесь. В зеленой зоне Исфаринской и Ферганской долин встают заводы и фабрики: хлопкоочистительные, винодельческие, консервные, шелкоткацкие.

Ленинабад — второй город республики. Небезинтересно, что некогда, в очень давние времена, через Ходжент (так назывался раньше Ленинабад) проходили караванные пути из Китая к странам Средиземного моря. По этим путям следовали купцы с тюками шелка. Близ Ленинабада сохранились села с названиями Хитой-кишлак и Хитой-риза, в которых слово «Хитой» значит не что иное, как Китай. Теперь на этом древнем «пути шелка» построен Ленинабадский шелковый комбинат. Здесь заняты рабочие 113 профессий. Комбинат дает в сутки 42 тысячи метров ткани, а с окончанием в нынешнем году строительства новой красильно-отделочной фабрики продукция увеличится в три с половиной раза.

За Ленинабадом начинается автомобильная трасса, проходящая через район виноградников, где заготавливают почти половину кишлака всей Средней Азии, через горные перевалы, высота которых достигает 3400 метров над уровнем моря, — на Сталинабад.

В горах Таджикистана, в тех самых, о которых в конце прошлого столетия картографы говорили, что они им менее известны, чем поверхность луны, выросли промышленные предприятия, курорты, появилось культурное животноводство.

На высокогорные пастбища по большому Памирскому тракту, к отрогам хребта Петра Первого, мы поднимаемся с вице-президентом молодой Таджикской Академии наук Гулямом Алиевичем Алиевым. Горные дороги Таджикистана суровы, мало благоустроены, но ведь 25 лет назад в республике было всего 34 километра автомобильных дорог! Еще и сейчас кое-где сохранились своеобразные старинные горные тропы — овринги — с надписью: «Путник! Будь осторожен! Помни, что ты здесь, как слеза на реснице»...

Чудесные песни слагает колхозник сельскохозяйственной артели имени Ленина, Сталинабадского района, Таджикской ССР, народный гафиз Хикмат Ризоев. Бригада Республиканского дома народного творчества приехала в колхоз, чтобы записать на пленку его песни.

Фото О. Кнорринга.

На высокогорном пастбище
Таджикистана.
Фото О. Кнорринга.

Вот такие у нас, на Вахше, персики!

В чайхане «Чинар», возле районного центра Комсомолабад, под гигантским, в десяток обхватов, деревом собрался своеобразный клуб шоферов. Сюда спускаются машины с Памира, здесь великое скопление водителей Совхозтранса, Таджикпотребсоюза, Автодортранса. И пока стоит на дороге длинная вереница «зисов», груженых продуктами, тюками с шерстью, строительным материалом, шоферы торопятся освежиться пиалой горячего зеленого чая. Труд этих людей, которые изо дня в день водят громоздкие трехтонки по узким «серпантинам», поистине героичен.

От Комсомолабада дорога поворачивает на Гарм — горную область, расположенную в центре республики. Не доезжая до Гарма, надо пересечь на коней и подняться еще выше. Перед глазами предстает великолепный альпийский луг Хозорчашма, что значит «тысяча источников». Здесь расположена ферма Куйбышевского совхоза. Полным ходом работает «парикмахерская», стрекочут аппараты электрострижки. Совместно с работниками совхоза Г. Алиев выводит здесь новую породу овец — «таджикская курдючная». Степная туркменская сараджинка, мелкая, но шерстяная овца, в сочетании с овцой гиссарской породы, крупной, но почти бесшерстной, дает уже отличные новые экземпляры. У них намечаются все качества гиссара: много мяса, большой курдюк, и к тому же полугрубая белая промышленная шерсть — до трех килограммов в год.

Возвращаясь с пастбищ Хозорчашмы, остановимся у скалистой теснины, где от слияния двух рек рождается бешеный Вахш. С этой рекой придется встретиться за много сотен километров отсюда, в долине на юге республики. Вахшская долина — гордость Таджикистана, его самая грандиозная стройка. В Вахшской долине произрастает ценный длиноволокнистый (египетский) сорт хлопка, и здесь собирают самые обильные его урожаи.

Главное сооружение Вахшского оросительного канала — сердце долины. Таджики тысячелетиями мечтали о таком могучем, добром сердце.

Научный центр Вахшской долины — Таджикская комплексная опытная станция по хлопку — старейшее учреждение на Вахше. Здесь могут рассказать, как никто не верил, что тонковолокнистый хлопок приживется в этих условиях, как он все же привился, а потом стал болеть, и сколько было тревожных с межвидовой гибридизацией, с выведением новых устойчивых сортов. Новые сорта вывели, а теперь совершенствуют их хозяйственные качества и, главное, приспособливают к машинной уборке.

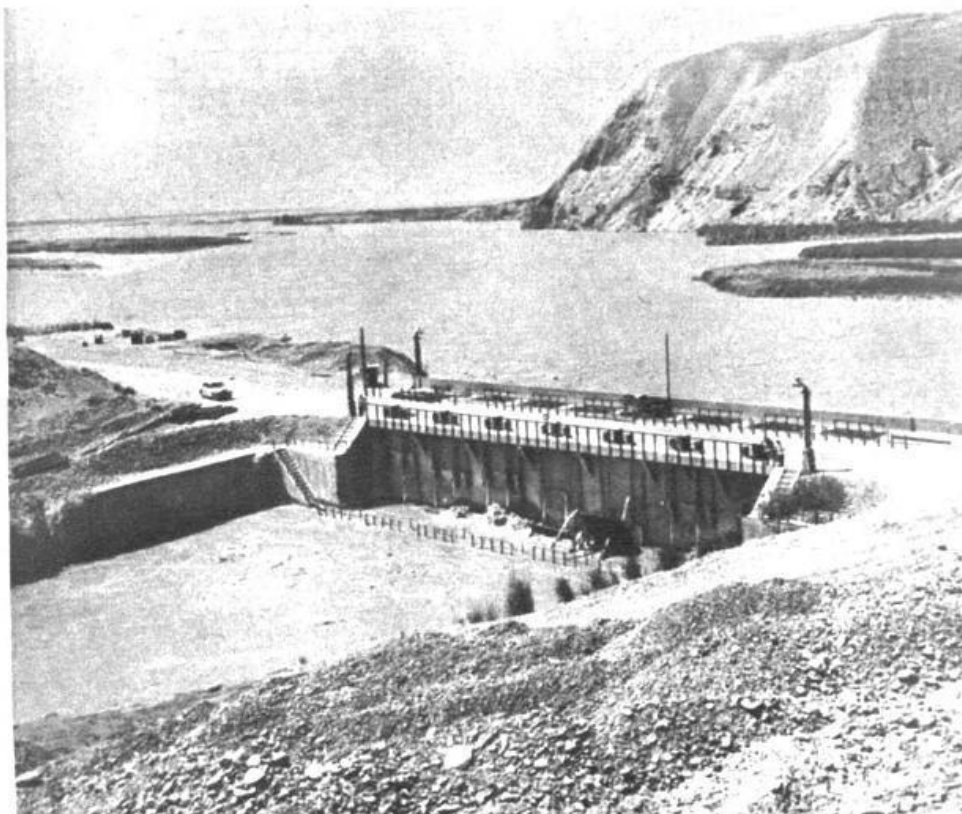
Еще одно научное учреждение на Вахше никак нельзя миновать — опытную станцию Всесоюзного института сухих субтропиков. Заместитель директора станции, бывший сухумец, Владимир Иванович Цу-

лая, работающий с основания станции, проведет гостей по всему Кумсангирскому плато, превращенному из пустыни в чудосад, где ветви персиковых деревьев ломаются под тяжестью плодов. Плод граната весит до одного килограмма, зреет, казалось бы, чуждая Вахшу янтарная хурма, а лимонные деревья в траншеях дают по 300—400 плодов в сезон. Кстати, о сухих субтропиках. С появлением воды и растительности это название звучит условно. В свое время влажность воздуха здесь достигала лишь 10—12 процентов, а ныне она поднялась до 40.

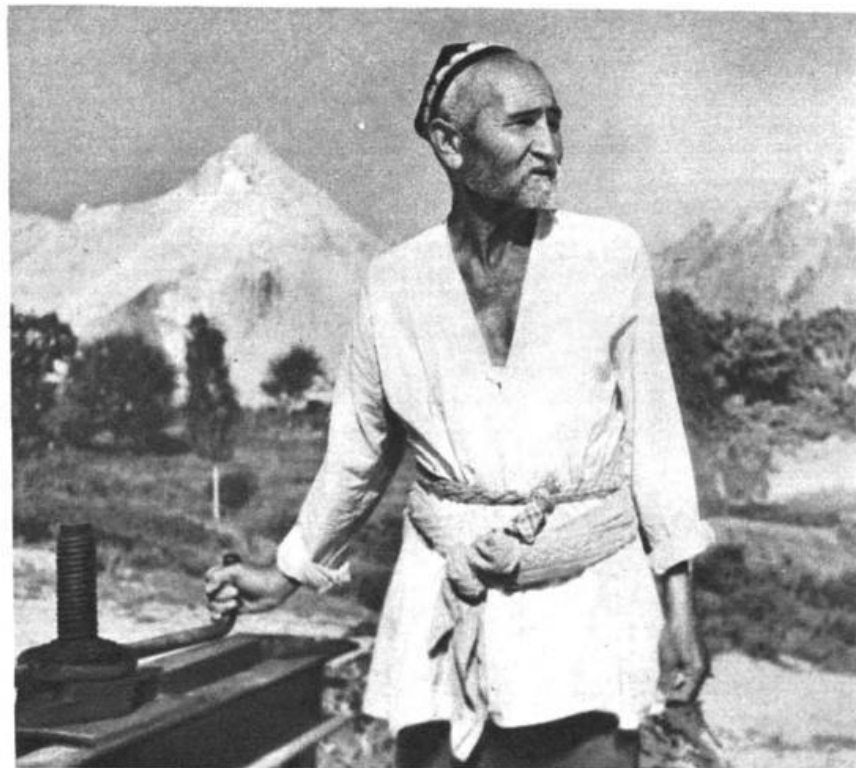
Отсюда рассылаются в колхозы Вахшской и Гиссарской долин черенки деревьев для колхозных лимонариев, для садов, скверов и парков. Отсюда распространилась и культура джута в Таджикистане. Многие колхозы Вахшской долины имеют обширные джутовые поля, и на самом юге республики выросли джутовые заводы, вырабатывающие волокно, из которого производят мешковину и веревки.

Так и приведет дорога к самому югу, к пойменным землям нижнего течения Вахша, в заповедник «Тигровая балка». Это двадцать тысяч гектаров тростниковых и камышовых зарослей, озер, рощ из серебристого дерева джидды. Здесь бродят на свободе бухарские бараны, камышовые коты, тигры. Это кусок сохранившейся для потомков девственной вахшской земли. Не столь давно вся эта огромная, теперь уже населенная и цветущая долина выглядела именно так.

Граница Таджикской республики с Афганистаном... На берегу — застава имени командира-героя Самохвалова, погибшего в боях с басмачами. На этой заставе, очень далекой, очень знойной, со всех сторон обдуваемой горячими ветрами, несколько лет бесценно служит офицер Алексей Ильич Евсеев. Здесь есть электричество. Веселый стук молотков возвещает о том, что скоро заработает и водопровод. А Алексей Ильич, когда он свободен от службы, выходит со своими дочками Наташей и Таней на берег реки подышать идущей от реки прохладой, поиграть с девочками, подумать на досуге, как же все-таки хорош мир!

Главное сооружение Вахшского оросительного канала.

Мираб Исфаринской оросительной системы Абдукадыр Алимов.

А. И. Евсеев в час досуга со своими дочками.

ОГОНЁК

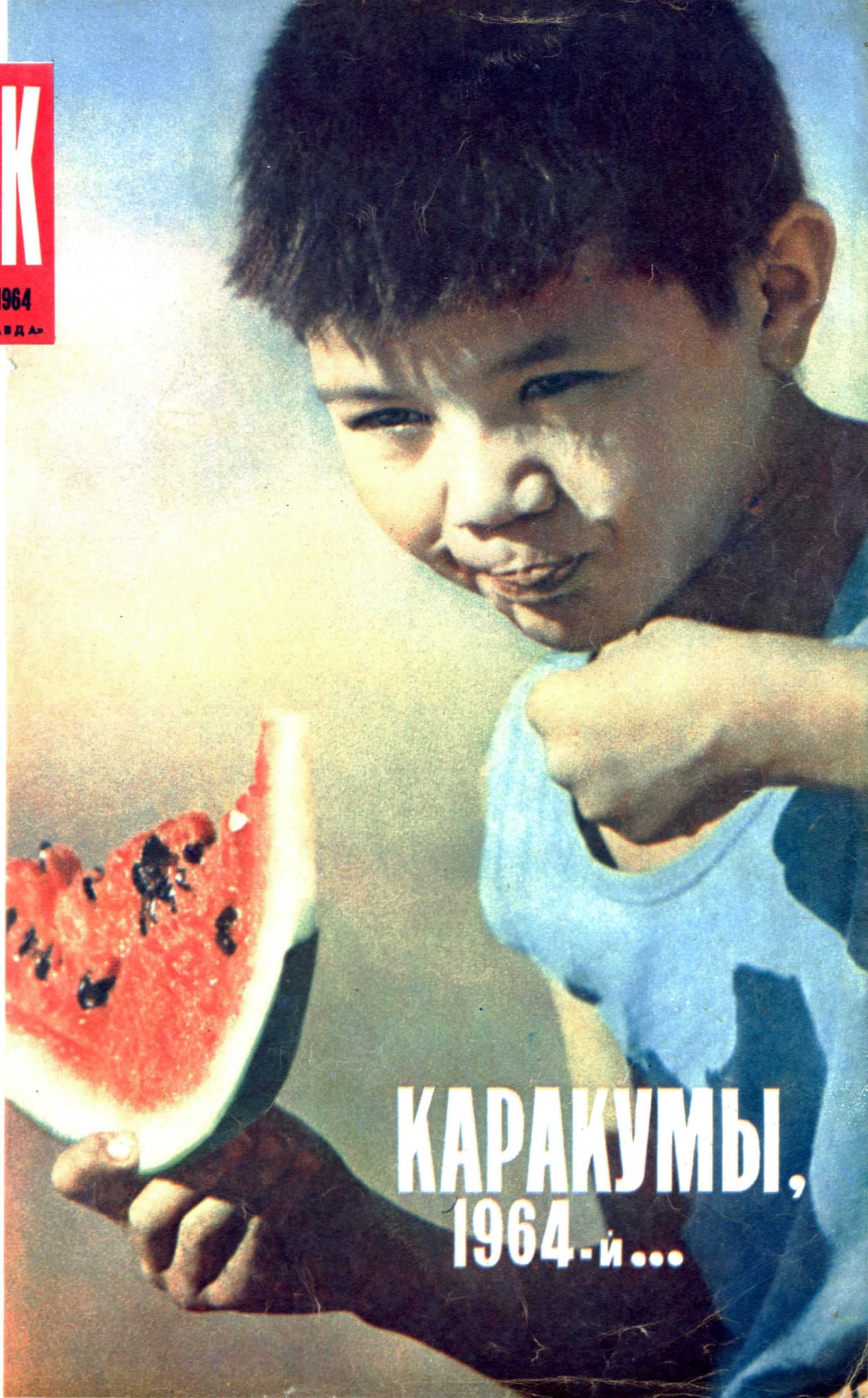
№ 45 НОЯБРЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

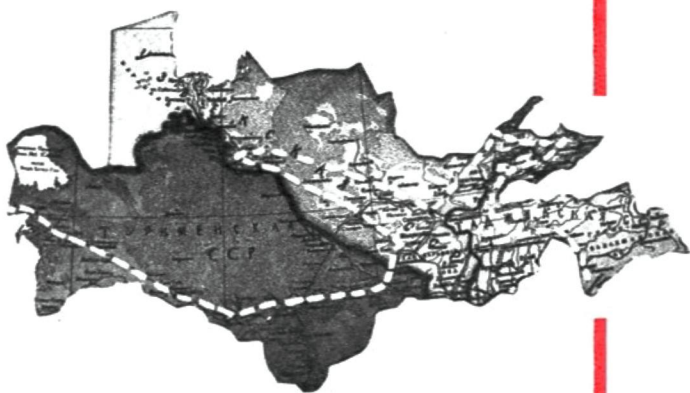
С. Коненков. НА ДЕСЯТОМ ДЕСЯТКЕ
ХОДОК ИЗ УРЛЮТЮБА

Халдун Танер. МЕЧ И ПЕРО

КАРАКУМЫ,
1964-й...

«ОГОНЕК» ПРОДОЛЖАЕТ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ЛЕНИНСКОГО ДЕКРЕТА. НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ, ПОБЫВАВШИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ И УЗБЕКИСТАНЕ, СЕГОДНЯ — НА ТУРКМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ...

Тачмурадов и другие

Ник. ШМЕЛЕВ

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Огонь выхватывает из темноты блестящие глаза, белые бороды, медным светом озаряет морщинистые лица. Неподвижны тельпеки, и неподвижны тела мужчин, застывших у костра. Тянет горьким дымом. Порыв ветра дергает пламя, и тогда на секунду вновь делаются видны горбатая тень верблюда, рваный полог юрты, куча тряпья у порога. Из юрты слышится детский плач, тихое позвякивание женских побрякушек. А здесь молчат и смотрят в огонь. Над головой — криворогая туркменская луна. Оцепенение охватывает душу и тело, перед глазами только огонь и темень, а в голове — пустота.

Где я?

— Арнольд, свет! Начали!

Ночь загалдела, заметалась, изрезанная прожекторами. И все встало на свое место: век двадцатый, день сегодняшней, юрты невсамделишные. Каракумы настоящие. Известный туркменский режиссер Алты Карлиев снимает в песках фильм «Решающий шаг» — о недавнем прошлом своего народа. Это было первое и последнее мое знакомство с пустынной экзотикой, издали красочной, а по сути дела, дымной, драмой и безобразной. Причина не в моей нерадивости или в моем нелюбопытстве: просто в таком виде она вообще больше не существует, а там, где еще замечаешь ее следы, через минуту перестанешь видеть, потому что их заносит плотный слой примет иного времени, иной жизни.

Республика отмечает свое сорокалетие. Тогда, сорок лет назад, движение в Туркмении во многих отношениях начиналось с нуля, с полного нуля, как бы сильно это

ни звучало. Можно проследить результаты этого движения в экономике, в науке, в быте народа. Можно написать об этом. Но хотелось бы по мере сил попытаться избежать неизбежного — поверхностности.

За эти годы туркменский народ по своему развитию стал вровень с передовыми нациями. Этот скачок виден прежде всего в главном — в людях. Мне хочется рассказать о нескольких встречах с теми, кто, как мне кажется, составляет сейчас цвет Туркмении, ее будущее.

Без скидок «на бедность»

— Я прочитал. Верьте мне, отличная диссертация. — Оппонент с явным удовольствием пожал руку Нурмураду Тачмурадову. Разговор происходил в Москве лет десять назад. — Иногда, конечно, попадаются грамматические погрешности. Но это не важно. Это даже лучше. Вы их не исправляйте. Тогда никто не будет сомневаться, что вы ее сами сделали...

Оппонент говорил искренне и благожелательно. У него было большое имя в медицине, и ему действительно очень нравилась докторская диссертация хирурга Тачмурадова. Он хотел ему добра. И все-таки он больно, сам того не замечая, задел своего собеседника. Тачмурадов поблагодарил и в тот же вечер, взяв словарь, зашел за исправление ошибок.

Неприятный осадок от разговора вскоре исчез. Тогда ему было чуть больше сорока. У него было достаточно жизненного опыта и достаточно веры в себя, чтобы в общем-то не обижаться на оппонента: что делать, если в чьих-то темных уголках сознания еще живет недоверие к способностям на-

рода, недавно избавившегося от неграмотности. Все это могло изменить только время и только дело.

Он никогда не просил никаких скидок «на бедность». И, наверное, если бы оппонент знал, с кем имеет дело, он бы не допустил этих снисходительных интонаций. Легкости не было в судьбе Тачмурадова: жизнь всегда спрашивала с него по самому крупному счету. Мальчишкой он, крестьянский сын, оказался в гуще событий коллективизации; в тот период нередко приходилось браться и за винтовку. В Ташкентский медицинский институт он поступил, почти не зная русского языка, но курс сумел окончить с отличием. Войну Тачмурадов прошел всю от начала до конца как хирург медсанбата: тысячи операций, тысячи спасенных жизней и усталость, от которой, казалось, уже ничто не избавит.

Самое трудное было, однако, впереди. Все случилось тогда, когда вокруг было спокойно и жизнь текла уже по наезженной колее. В октябрьскую ночь 1948 года Ашхабад перестал существовать. Тачмурадов собственными руками откопал трупы троих своих детей и полуживую жену. После землетрясения наступил кризис: стап пить, минутами казалось, что все — сломался и подняться не хватит сил.

«Нет, воля все-таки была. Сказалась, наверное, военная закалка. Опомился. Сжался, обозлился — назовите, как хотите, не в этом дело. Засел за кандидатскую, защитил и сразу, не размагниваясь, не давая себе пощады, — за докторскую. Через три года подготовил и ее. Было непросто. Нет, работа как раз была интересной, шла легко. Было другое: приходилось ломать сопротивление пустоцветов от науки. Знаете,

есть ведь такие — сами бесплодны и других стремятся подогнать под свой ранжир. Но труднее всего, пожалуй, ломать самого себя, свою усталость...»

Имя профессора, доктора наук, заведующего кафедрой общей хирургии Туркменского мединститута, депутата Верховного Совета СССР Нурмурада Тачмурадова пользуется уважением не только в Туркмении. Его научные труды известны среди специалистов, в городах и селах страны работают сотни хирургов — его учеников, сотни людей обязаны лично ему своим спасением. Восемь сотрудников кафедры под его руководством защитили диссертации. И в семье этого очень скромного и очень спокойного человека вновь утвердилось счастье — пятеро сыновей наполняют дом нескончаемым шумом и гвалтом.

Но если пришло спокойствие, то не пришло успокоение. Тачмурадов первым в республике стал делать операции на сердце. Кое-кто из друзей говорил: «Тебе что, больше всех надо? Тебе чего не хватает? Почет, уважение... Смотри, в один день все прахом пойдет...» Опять жизнь требовала от него полного напряжения всех душевных сил, требовала большой работы и большого риска. Он решался на это, и все-таки...

«— А вдруг зарежу?.. Мы год готовили операцию. Три месяца я учился у Бакулева. Потом все откладывал, откладывал. Боялся. А потом наступил момент, когда понял: больше нельзя откладывать. Или да, или нет. Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день... А операция прошла удачно».

Сейчас, оглядываясь назад, Тачмурадов с признательностью и теплотой вспоминает тех, кто помог ему проложить путь в большую науку, — своих учителей, своих товарищей по работе: профес-

Небит-Даг. Утро на про-
мысле.

Мастер добычи нефти
Сапар Валиев.

На дорогах Туркмении.

Ашхабад, октябрь 1964 года...

Новый павильон мороженого «Льдинка».

Проблема воды разрешена. Автоматы на проспекте Свободы.

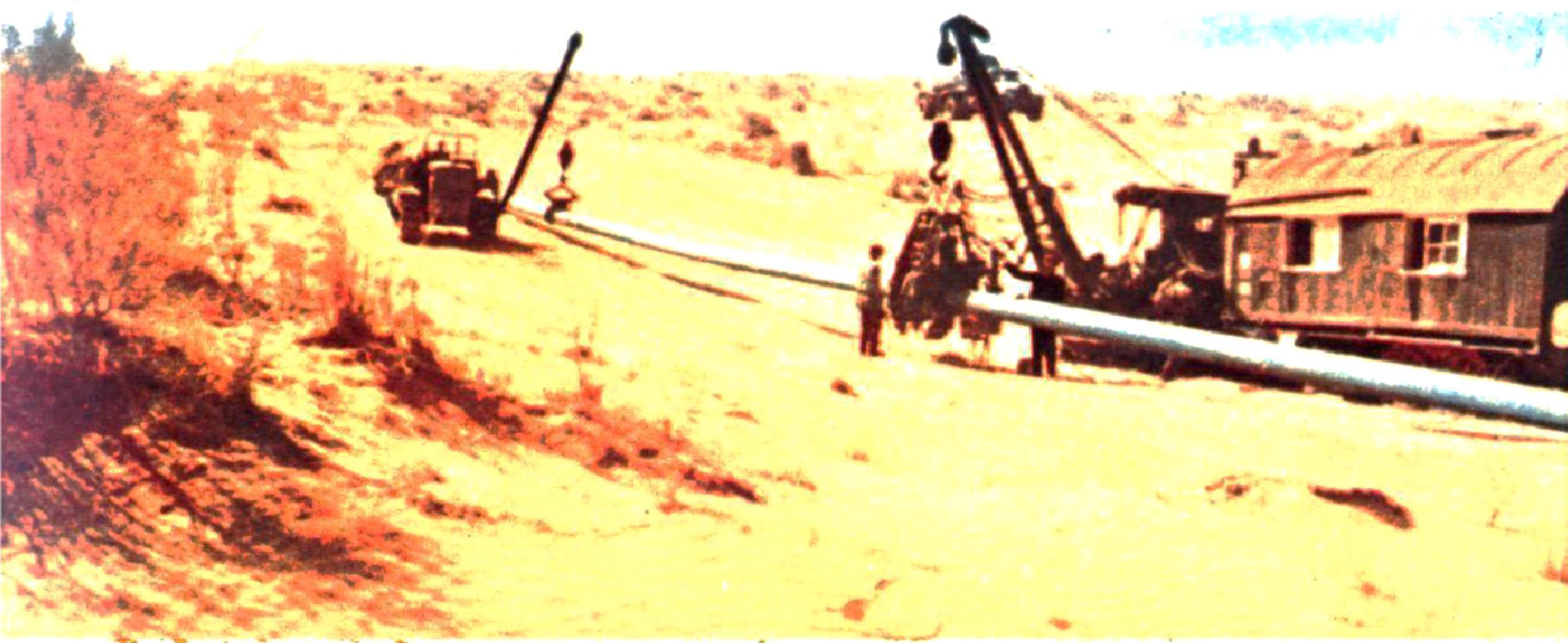
Академия наук Туркменской ССР.

Продажа книг на Русском базаре.

Новый кинотеатр «Космос».

Пустыня сдает позиции. Здесь, в самом сердце песков, найдена вода. Она пойдет по стальным трубам на промыслы и в новые дома нефтяников.

Каракумский канал подошел к полям колхоза «Совет Туркменистаны», и Эджебай Гельдыева стала овощеводом.

Каракум-река... Река, созданная человеком.

соров И. Чижова, И. Склярова, И. Березина, других. Многие из них уже нет в живых.

«Они помогали создавать первое поколение туркменской интеллигенции, к которому и я принадлежу. Сейчас в полную силу работает второе. Подрастает третье. Появились традиции, преемственность. Это ведь незаметная, адски трудная и не всегда благодарная работа — создание духовной элиты (не надо бояться этого слова), которая обогащала бы жизнь народа, вела бы его вперед. Судите сами: какую-то часть тех, кого удалось вырастить в Туркмении перед войной, уничтожил тридцать седьмой год. Еще часть — война: тогда большинство туркменской интеллигенции ушло на фронт, и кто знает, сколько из них не вернулось. И, наконец, страшное землетрясение. А ведь Ашхабад всегда был культурным центром республики. Вы представляете, сколько нужно было потратить усилий, чтобы возместить такой огромный ущерб?»

Справедливость его слов мне пришлось вновь оценить, когда меня познакомили с молодым доктором наук Гуль Карыевной Аннагельдыевой, бывшей ученицей Тачмуратова. Она недавно вернулась из поездки по республике. Поездка имела вполне определенную цель — отобрать как можно больше способных девушек для поступления в мединститут в этом году.

— Гуль Карыевна, почему именно девушек? Есть в этом какой-то особый смысл?

— Есть. В некоторых селах еще чувствуется влияние старых порядков: женщина ни за что не покажется мужчине-врачу...

— Хорошо, а зачем нужно специально ездить, приглашать, отбирать?

— Ну как же... Ведь есть такая русская пословица — под лежачий камень и вода не течет... Где надо — расшевелить, раскатать, где уговорить родителей, чтобы в город отпустили...

В этом, видимо, специфика нашего времени: молодая женщина, которая отнюдь не производит впечатления двужильной, говорит о тяжелой дополнительной работе, требующей бесконечного такта, внимания, терпения, как о чем-то само собой разумеющемся, о чем и говорить-то всерьез не стоит. Вот мыши, морские свинки — это другое дело: с ними намучаешься! Аннагельдыева — крупный специалист — патофизиолог, заведует кафедрой в мединституте. В ее лаборатории тихо, прохладно, мягко поблескивают длинные ряды пробирок. Пожилые лаборантки зовут ее совсем по-домашнему — «Гуль»: для них она все та же девочка, которая вчера еще, кажется, топталась у порога института.

— Ну что мне делать? — сердится фотокорреспондент. Он пришел снимать ее для журнала. — У вас слишком много гибкости, плавности. Нельзя же иметь такие мягкие движения! Мне ведь никто не поверит. Скажут: подстроил! Двиньте порезче локтем...

Ничего не выйдет. И шаблонного синего чулка из нее, сколько ни бейся, не выйдет. Милая, приветливая улыбка, добрый юмор...

Ашхабад — очень красивый город. Зеленый, нешумный, невысокий. Новый кинотеатр, магазин, кафе, на белой стене которого резко очерчен черный девичий профиль, — ничего больше, но ми-

мо не пройдешь. Следов землетрясения не осталось. Но одно объяснить трудно: в городе нет обелиска в память погибших в ночь землетрясения. Почти в каждой семье это горе оставило неизгладимый след, и неужели тысячи людей, каждому из которых Ашхабад чем-то обязан, не достойны того, чтобы город сохранил о них память навечно? Думаю, этот вопрос можно задать даже в праздничный день...

Поиск, эксперимент и снова поиск

Сегодняшняя Туркмения — результат творчества людей десятков национальностей, которым некогда чужой край стал родным домом — для него не жалуют ни сил, ни времени, ни способностей. О роли русских врачей я уже говорил. Над возведением нового Ашхабада самозабвенно работает дагестанец Абдула Ахмедов — тридцатипятилетний главный архитектор города. Как-то так получилось, что жизнь его расписана чуть ли не на десятилетия вперед, от одного здания к другому: через пять лет город будет такой-то, а через десять — такой-то, и тогда здесь будет и то, и это, и другое, и тогда я буду строить то-то и то-то.

Особенно отчетливо помощь других народов страны в создании новой Туркмении заметна на строительстве Каракумского канала, призванного в будущем принципиально изменить весь облик республики: ее хозяйство, ее климат, ее быт и нравы, профессии и культурный уровень жителей. Сейчас канал протянулся на 800 километров от Аму-Дарьи до Ашхабада, большая часть его — широкая судоходная река глубиной в 5–6 метров, которая в дальнейшем дойдет до западных границ Туркмении.

Сам по себе канал — редкой красоты зрелище: присмиривший песок, камыш, тихонько вздрагивающий от ветра, безмятежная гладь воды... Из-за барханов, почти из темноты, ползет утро. Сопит и ерзает в воде проснувшийся землесос...

Меня познакомили с Николаем Петровичем Власовым и Константином Евгеньевичем Церетели — оба играли первую скрипку на строительстве канала. Сейчас Власов — начальник СМУ на трассе канала, Церетели — главный инженер треста. Оба представлены к Ленинской премии. Они друзья и в то же время очень различны по складу характера и по методам работы.

Если я правильно понял, Власов — организатор, у которого четкость приказа в его шкале ценностей занимает ведущее место. Не берусь давать оценку достоинствам и недостаткам этого стиля. Одно ясно: если судить по результатам работы и тому уважению, с каким к нему относятся рабочие и инженеры, то вывод напрашивается только один: в руках настоящего человека такой метод — тоже безотказное оружие.

Церетели — человек иного склада. Прежде всего это талантливый инженер. Его идея о возможности отсыпки дамб канала в сухую бульдозерами, предложенные им методы расширения русла и укрепления берегов сэкономили стране десятки миллионов рублей. Это неутомимый исследователь и изыскатель: за тридцать с лишним лет жизни в Туркмении он облазил все ее уголки. Нет в республике,

наверное, оросительного или ирригационного сооружения, к которому он так или иначе не был бы причастен. И, наконец, Церетели — хозяйственник большой энергии и большой смелости. О его деловых способностях на канале рассказывают почти легенды. Если говорить о его хозяйственных экспериментах, имеющих и сейчас реальное практическое значение, то можно сделать вывод: разумная мера самостоятельности, разумная мера доверия к отдельному предприятию плюс талантливый человек во главе дела приводят к великолепным результатам. Церетели, например, на практике доказал, что рост средней зарплаты, подкрепленный продуманной системой стимулов, норм и ответственности, в итоге ведет к снижению общего фонда зарплаты, ускорению сроков работ, огромной экономии против сметной стоимости строительства. В своей небольшой практической лаборатории он делал то, что сейчас вызывает в масштабах всего народного хозяйства.

Некоторые считают Церетели чудачком: странные манеры, не пьет, не бранится, накрепко присох к этим проклятым пескам. На обыденный взгляд он действительно немного странен. Но это, видимо, потому, что не часто можно встретить человека, все существо которого так густо было бы сконцентрировано на чем-то одном и единственном. Для Церетели это одно заключено в слове «водичка»: водичка пошла, водичка есть, водички теперь хватит... Великое дело требует таких людей, и без них его осуществление невозможно.

Все это в Каракумах!

Старшее поколение строителей воспитало свою смену, в чьи руки оно со временем передаст завершение этого великого проекта: и на самом канале и на строительстве ирригационных сооружений работы хватит еще на десятилетия. Молодежь в полную меру перенимает беспокойную инженерную мысль отцов, их постоянное стремление освободить инициативу людей от всего, что ее сковывает, их фанатичную преданность одному делу и одной идее. И когда Джума Назаров, двадцатисемилетний инженер-гидротехник, говорит: «Я сознаю, что теперь моя жизнь навсегда связана с каналом. Я не боюсь этого слова «навсегда», — он отдает себе реальный отчет в смысле и значении своих слов. Он убежден, что жизнь возложила на него личную ответственность за канал. Так оно и есть на самом деле.

...Стояла ночь. Вода в порту Ничка была такой же черной, как и в любом другом порту, и точно так же дрожали в воде одинокие портовые огни. Скрипел кран, играла гармошка на брандвахте, запоздавший буксирчик растерянно тыркался у причала, ища себе место. Ноги тонули в песке, и никак нельзя было прогнать неотвязную мысль: ведь и порт, и огни, и буксирчик — все это в Кара-кумах!

Джума сказал: «Я помню, как у нас в колхозе дрались из-за воды. Бригада с бригадой. Когда говорили, что скоро будет канал, старики только качали головами: несерьезный народ, стыдно слушать взрослым мужчинам. Прорыли канал. Два старика сели на ишаков и за шестьдесят километров поехали смотреть. Обратном с собой привезли по пузырьку —

боялись, что не поверят. Вскоре вода сама к ним пришла...»

Канал призван решить еще одну важнейшую задачу — дать воду бурно растущему промышленному Западу республики. Нефть, газ, большая химия стремительно меняют лицо Туркмении. На этой базе растет сейчас рабочий класс республики, происходят огромные социальные сдвиги в туркменском народе. Характерно в этом процессе то, что все, так или иначе связанное с нефтью и химией, с самого начала требует от человека достаточно высокого культурного уровня. Новое пополнение рабочих приходит, имея уже за плечами если не как правило, то зачастую среднее образование.

На одной из буровых в Уч-Теппе — новом газодобывающем районе Туркмении — помощниками бурильщика Ивана Миронова работают два паренька, Наил Бекдурдыев и Нургельды Атадурдыев. Оба окончили десятилетку, работают в бригаде недавно, работают старательно — бригада все время идет впереди плана. И хотя на словах Иван, опытный бурильщик, отзывается пока еще не особенно высоко о своей бригаде — вот годика три вместе поработаем, тогда это будет бригада! — он отлично понимает, что такие ребята на одной точке не замерзнут: через год-другой кончат курсы, сами встанут у тормоза, и тогда десятилетка станет базой, которая позволит достичь им действительно артистической квалификации.

Может быть, судьба их в дальнейшем сложится так же, как у их сверстника Сапара Валиева, мастера добычи нефти в Котур-Теппе, близ Небит-Дага. Начало его судьбы было нелегкое, нелегко и ее нынешнее продолжение, и, может быть, поэтому он в свои двадцать два года вызывает ощущение такой надежности.

Сапар в четыре года остался без отца — он умер от ран. Незачем говорить, насколько трудно было в те годы матери, не имевшей квалификации, вырастить сына и дочь и дать им образование. Дочь поступила в мединститут, Сапар окончил техникум. Работал на промысле оператором, помощником мастера. Сейчас учится в институте и работает мастером. Он тоже не из тех, кому нужна скидка «на бедность». Сапар сам от простейших операций прошел тот путь, который начинал их управления старый инженер-нефтяник Максим Илларионович Лобода заставлял пройти каждого молодого инженера, в том числе и собственного сына: встань простым рабочим у скважины, изучи болты-гайки, изучи капризы скважины — тогда пойдешь дальше.

...Не помню, где, кажется, в Красноводске, мне рассказали, что в царское время была инструкция: если преступник уйдет за Каспий, то есть в Туркмению, розыск его немедленно прекращать: считалось, что он сам себя обрек на худшую каторгу. Даже если это — преувеличение, все же оно достаточно точно характеризует прошлую репутацию этого края. Вряд ли нужно говорить, что с тех пор все в корне изменилось. Достигнуты феноменальные успехи. И все же Туркмения — это прежде всего республика огромных потенциальных возможностей, республика будущего. А самый ценный капитал, накопленный ею за сорок лет, гарантия ее будущего — ее люди.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО- 44-й год издания
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО- № 46 (2055)
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 13 НОЯБРЯ 1966

Ташкент пропах пылью, бензином, взрыхленной землей, цементом, асфальтом...

Улицы забиты транспортом, на «красках», «мазах», «четвертаках», «зилах», на юрких «газиках» — московские, киевские, тбилисские, кишиневские, ленинградские номера... С 26 апреля количество машин в городе выросло на несколько тысяч. И на проезжих магистралях с утра до позднего вечера часы пик. А строительная техника и автомашины все прибывают и прибывают в столицу Узбекистана. Срочные грузы, цемент, гравий, сборно-бетонные панели, лес непрерывным потоком текут через Ташкент к громадной строительной площадке на окраине города.

Мы ходим по городу, ищем героя репортажа. И, как это часто бывает в жизни, находим неожиданно на самом оживленном перекрестке.

Не знаем, сколько градусов показывал тогда термометр, но только вода, разбрызганная поливочной машиной, высохла на асфальте в течение двух минут. Где-то совсем рядом с перекрестком рухнули стены аварийного здания, подсеченные ножом бульдозера, пыль затейливыми клубами повисла над головой нашего героя, замер и снова стремительно рванулся мимо нас поток машин.

Человек работал. Он дирижировал улицей, многоголосьем трудовым ритмом. Работали его руки, лицо, глаза и даже черные шикарные гусарские усы.

Трудно найти в Ташкенте

жителя, который не знал бы человека на перекрестке — Садыка Касымова!

— Он эмблема Ташкента, — шутят одни.

— Садык-ака — виртуоз-дирижер! Артуро Тосканини! — серьезно говорят другие.

— Сколько себя помним, столько знаем этого старшину, — сообщают третьи.

Тридцать шесть лет работает на перекрестке старшина милиции Садык Касымов. Тридцать шесть лет повиноуются его жезлу потоки машин от первых трескучих полуторок до последних современных марок. И за всю долгую и сложную службу не было у Садык-ака на перекрестке ни аварий, ни серьезных нарушений.

Нет, впрочем, одно было. Дожливой зимней ночью на него, как это принято писать в протоколах, был совершен наезд. Водитель такси не смог удержаться «Волгу» на мокрой мостовой, и старшину Касымова отправили в больницу.

О несчастье всего через несколько часов уже знали почти во всех автобазах Ташкента. Десятки незнакомых людей — в основном это были шоферы — отравились проводить пострадавшего. Нянечки и сестры сбились с ног. То и дело звонки в приемный покой. Перед больницей, как перед вокзалом, — грузовики, легковые машины. Шоферы требуют пропустить их к больному старшине милиции. Садык-ака выздоровел, но еще долго, проезжая мимо, водители неизменно интересовались его здоровьем.

10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ.

Человек на перекрестке

Дирижеры движения.

Старшина милиции Садык Касымов.

Это не часы пик.

С памятного утра 26 апреля постовые на улицах работали по 16—18 часов. В штабе дивизиона составлялись новые схемы движения городского транспорта, менялись маршруты, дежурные инспектора снимали с рейсов машины, направляя их на помощь пострадавшим. И в первом же сообщении ТАСС, как, впрочем, и в последующих, об их работе будет сказано просто и лаконично: «Городской транспорт работает нормально».

Городской транспорт работал нормально... Только свыше двух тысяч машин вывозили из центра города обломки разрушенных и снесенных домов, еще несколько десятков тысяч спешили к строительным площадкам, карьерам, бетонным заводам, к грузовым станциям, шли по точному графику троллейбусы, автобусы, трамваи, ходили пробегали такси.

Каждое утро на самом оживленном перекрестке города занимает свой пост старшина Садык Касымов.

В тот день, когда мы познакомились с ним, Садык-ака стал в двадцать первый раз дедушкой.

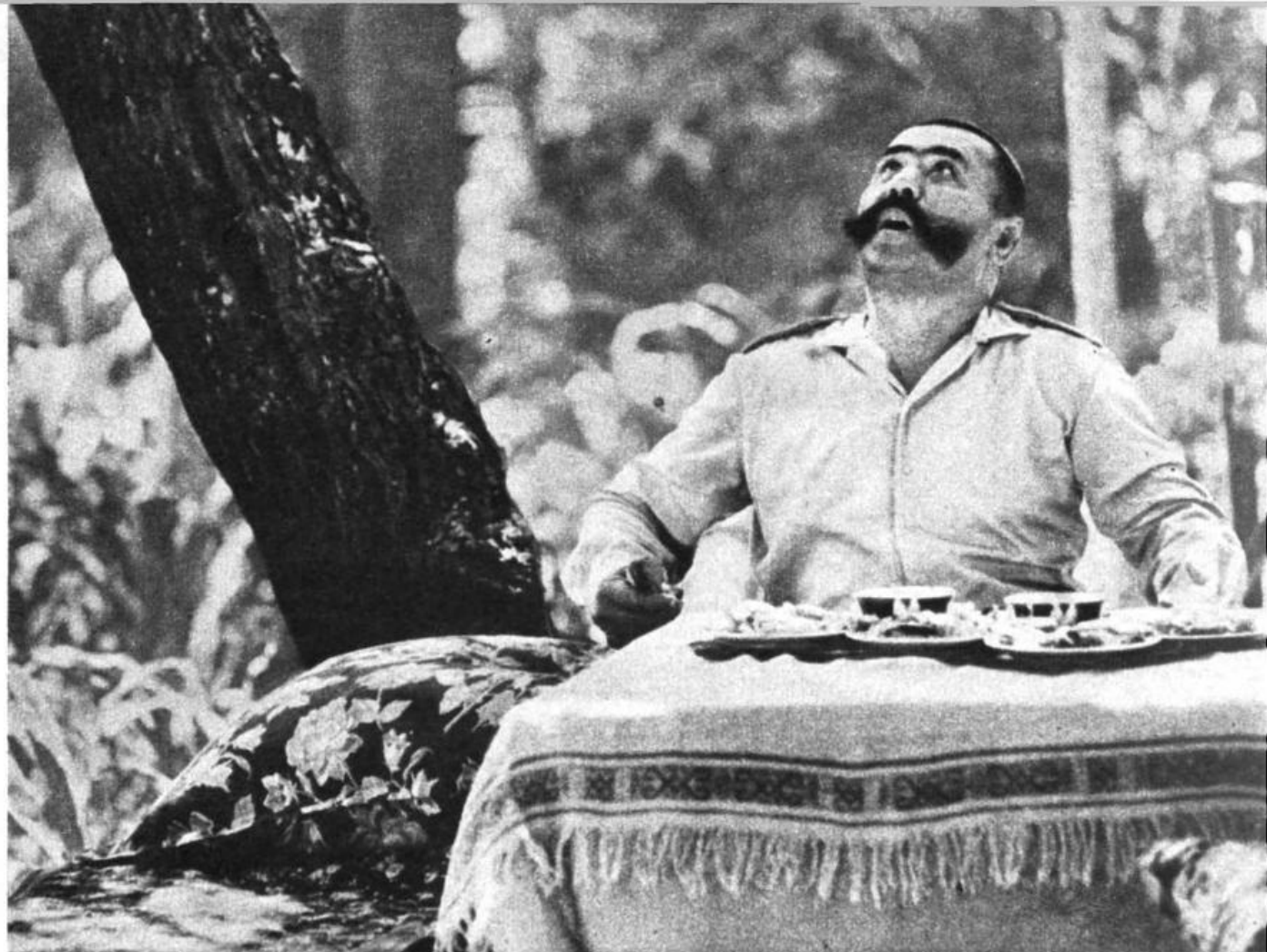
— Сегодня родился внук. Бахтиор. Бахтиор — по-русски счастье, — объяснил он нам.

Мы сидим со старшиной в тени деревьев. Через два часа ему снова на пост.

Садык-ака смотрит на верхушки деревьев.

— У меня свой сейсмограф. Смотрю на верхушку дерева. Трясет или не трясет? Трясет — сразу же бегу на пост. Где ни буду, все равно на пост бегу.

И снова мы на перекрестке. Работает старшина милиции Садык Касымов.

Трясет или не трясет...

К 21-му внуку.

Век крестке